

пенным и третьестепенным писателям. Думается, что эти страницы более интересны: автор затрагивает малоизвестные и неизученные участки литературы 40-х годов. Интересны также страницы, где автор стремится установить параллели между развитием литературы и других видов искусства в 40-е годы, соотносит произведения натуральной школы с творчеством замечательных украинских писателей, прежде всего

с творчеством Шевченко. Тут встречаешь и свежие наблюдения (например, о «пафосе познания художественного открытия новой стороны жизни», который так чувствуется в физиологиях и других жанрах 40-х годов, о значении очерка А. Галахова «Из записок человека»).

А потом опять на десятки страниц идут общие места...

Ю. ВЛАДИМИРОВ

«ДНЕВНИК» БРАТЬЕВ ГОНКУРОВ*

Интерес, с каким читатели встретили выход двухтомного издания «Дневника» братьев Гонкуров, был отчасти подготовлен появлением в последние годы их лучших романов и отрывков из «Дневника».

Начали братья Гонкуры свой «Дневник» юными, неопытными литераторами в день опубликования своей первой книги, который совпал с днем государственного переворота 2 декабря 1851 года. С тех пор изо дня в день, неустанно ведут они свою «ежевечернюю исповедь, исповедь двух жизней», пока содружество двоих не было нарушено смертью младшего брата, Жюля, в январе 1870 года. «Дневник» продолжает старший брат, Эдмон, вплоть до своей смерти в 1896 году. Без малого полвека охватывает «эта автобиография», как ее назвал Эдмон Гонкур в своем предисловии к первому изданию. Здесь запечатлена вся их писательская жизнь — история замыслов, рождение их произведений,

горечь неудач, радость успеха, интимные подробности их быта, встречи, разговоры, поездки, впечатления.

Но, пожалуй, в еще большей степени «Дневник» — «биография» эпохи. В книге разворачивается панорама литературной жизни Франции второй половины XIX века. Судьба свела Гонкуров с крупнейшими писателями эпохи, связала с жизнью журналов, с театром, с художниками. Вместе с Гонкурами читатель живет в атмосфере литературы Второй империи: умирающий романтизм, вырождающийся в модную мещанскую мелодраму... Бальзак, Гейне, Беранже — гиганты первой половины века — становятся историей. Гюго и Жорж Санд — последние могикане. Новые теории, новые школы: «реалисты», «натуралисты». Сами Гонкуры — еще молодые, непризнанные писатели, но уже вполне определившие свой метод искусства «документа», «наблюдения». Друзья — Гаварни, Флобер, Готье, Сен-Виктор. Обеды у Маньи, у принцессы Матильды, где бываю еще и Сент-Бёв, и Тэн, и Тургенев, и Жорж Санд, и Дюма-отец. Первая встреча с молодым Золя, который

*Эдмон и Жюль де Гонкур, Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы в двух томах, «Художественная литература», М. 1964. Т. I, 711 стр.; т. II, 750 стр.

держится как ученик... 70-е годы. Смерть Жюлья. Война. Позор капитуляции. Парижская коммуна. Третья республика. Флобер, Гонкур, Тургенев, Готье — уже старшее поколение писателей. Новые настроения, школы: импрессионисты — Дега с его прачками и балеринами, первые декаденты, выставка Мане. «Старички» — снова живущий в Париже Гюго, Жорж Санд — вызывают благоговение. К Гюго Гонкур ходит, как в храм на поклонение к оракулу: слушать разглагольствования «великого человека», хоть он и «старомоден и его «мистический жаргон» порой раздражает. Встречи с друзьями теперь происходят за «обедами пяти», у Золя в Медане, у Доде... Последние 80—90-е годы. Старость писателя, «восседающего на сорока томах». Одиночество, недуги. Уходят сверстники, единомышленники — похороны Флобера, болезнь и смерть Тургенева, похороны Гюго. Золя — признанный писатель первой величины, «старший». В расцвете талант Альфонса Доде. И какими бы ни были оценки Гонкура, читатель чувствует, насколько влиятельно стало имя Мопассана, как много разговоров вызывают романы Анатоля Франса; имена Толстого и Достоевского не сходят с уст...

Так мы становимся «очевидцами» всей полувековой жизни литературы Франции, смены школ, идей, поколений. Нестареющая ценность «Дневника» Гонкуров в том, что здесь великие писатели XIX века — Гюго, Флобер, Тургенев и другие — нарисованы живыми, в их повседневной жизни, в разговорах, встречах, с их вкусами, привычками, слабостями.

Хотя «Дневник» стремится больше, как говорится в предисловии Э. Гонкура, «портретировать» и «сохранить для потомства живые обра-

зы... современников», облик самих Гонкуров, писателей «нервных, болезненно впечатлительных» и страстно влюбленных в искусство, не менее интересен. Читая «Дневник», делаешься поверенным самых интимных размышлений авторов о жизни, о себе, о творчестве, о других писателях, сетований, негодований, порой аристократически брезгливых, несправедливо пристрастных. «Дневник» позволяет увидеть то, как «делались» их книги: откуда брались сюжеты, как они наполнялись плотью, обрастали жизненными деталями. «Дневник» играет роль «записной книжки писателя», в которой первоначально фиксируются жизненные «случаи», «факты», «штрихи», заготавливаемые впрок. То это рассказ писателя Буйе, ставший сюжетом «Сестры Филомены», то история служанки Розы, легшая в основу «Жермини Ласерте», то портреты гостей на бракосочетании родственницы («бычья шея», «большой живот», «комичные лица деревенских ростовщиков»), попадающие в роман о буржуазии «Рене Мопрен», и т. д. Именно здесь больше всего проявляется творческий принцип Гонкуров — метод физиологии нравов, «клинического анализа». На этих страницах собираются те самые детали, которые, по убеждению Гонкуров, создают атмосферу эпохи («Время, от которого не осталось *образца одежды и обеденного меню*, — мертво для нас, оно не поддается гальванизации!»). Картина нравов, создаваемая «Дневником», представляет собой самостоятельный интерес, хотя на это часто не обращают внимания; кстати, и во вступительной статье к двухтомнику об этом ничего не сказано. «Дневник» пропитан ненавистью к мещанскому царству во всех его проявлениях — в политике, в быту, в лите-

ратурных вкусах, в моде, в манере разговаривать. И эта пестрая картина, выполненная с великолепным сатирическим мастерством, перекликается со всей антимещанской сатирой того времени — «Лексиконом прописных истин» Флобера, рисунками Гаварни, карикатурами Анри Монье, новеллами Мопассана, романами Золя.

В «Дневнике» отражается и очень важный момент творчества Гонкуров, связанный со знаменательной тенденцией всей реалистической литературы второй половины XIX века, что, кстати, также не прозвучало во вступительной статье В. Шора. Речь идет о правдивом изображении народных низов. Их романы «Сестра Филомена» (1861), «Жермини Ласерте» (1865) «пришли с улицы». Как ни аристократична натура Гонкуров, они поняли, что демократизация искусства — непреложный закон современности. В «Дневнике» они говорят об этом еще в 1858 году: «Все идет к народу и уходит от королей: в романах интерес перешел от королевских злоключений к злоключениям простых смертных...»

Принято считать, что «Дневник» не только самое интересное, но и самое талантливое произведение Гонкуров. Именно в «Дневнике», как говорится во вступительной статье, гонкуровский метод моментальных зарисовок, живописных деталей мог проявиться наиболее полно и естественно, без помех «условностей» художественного повествования. Фрагментарная отрывочность, нарочито небрежная манера записей, как бы «наспех набросанных и даже не всегда перечитанных строк», создает иллюзию «стремительной стенограммы», следующей «за лихорадочным ритмом... парижского существования», идущей «по горячим следам

впечатлений», передающей «само бие-ние жизни». Все этому несколько не противоречит тщательный отбор живописных деталей, ювелирная отточность каждой фразы.

Когда братья Гонкуры писали свой «Дневник», они, конечно, предполагали, что после их смерти записи будут опубликованы. Но первое сокращенное издание было предпринято самим Эдмоном Гонкуром в 1887—1896 годах в девяти томах. Полностью «Дневник» был опубликован Гонкуровской академией лишь в 1956—1958 годах в двадцати двух томах, снабженных довольно солидным аппаратом¹. Вышедший у нас двухтомник, составленный на основании этого французского издания, включает около трети всего текста. Это самое обширное издание «Дневника» на русском языке². К чести издателей надо отметить оперативность, с какой была использована возможность обработать материал полного текста.

Двухтомник адресован широкому читателю и, не претендуя на научную полноту, задается целью «выделить наиболее содержательные, ценные в историческом, идейном и художественном отношении записи, отобразить самые характерные их образцы». Действительно, издателям это удалось. Нужно оценить работу по составлению С. Лейбович, сумевшей, несмотря на гигантский объем пол-

¹ Edmond et Jules de Goncourt, Journal. Mémoires de la vie littéraires, Les Editions de l'imprimerie nationale de Monaco, 1956—1958.

² До этого появились только избранные страницы «Дневника»: «Дневник братьев Гонкур. Записки литературной жизни», изд. редакции журнала «Северный вестник», СПб. 1898, 220 стр.; Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник. Воспоминания литературной жизни (1855—1895). Перевод с французского Н. Жарковой, «Интернациональная литература», 1938, № 2-3, стр. 188—238; Эдмон и Жюль де Гонкур. «Жермини Ласерте», «Актриса». Отрывки из «Дневника», Лениздат, 1961.

ного текста (порядка десяти тысяч страниц) и грандиозность сокращения, сохранить в основном все ценное, интересное, не нарушив ни формы повседневных записей, ни их внутренней связи. Критерий отбора материала, как нам кажется, выбран наилучший: сохранить наиболее полно то, что рисует объективную картину литературной жизни и нравов эпохи, и свести к минимуму, представив лишь выборочно, чтобы передать многообразие характера «Дневника», особенно субъективное, связанное с болезненным эгоцентризмом Гонкуров, а также натуралистические зарисовки грязных сцен в описании притонов и непристойные подробности о писателях, которые любил коллекционировать Эдмон в конце жизни. В двух томах сохранена вся хронологическая канва «Дневника», начинающаяся записями 1848 года. Вошли и предисловия Эдмона Гонкура к изданию 1887 года. Но все же, нам кажется, некоторые записи напрасно остались за пределами двухтомника. Например, жаль, что не вошли некоторые интересные записи о Гаварни, рассказ Флобера о юношеском увлечении романтизмом; напрасно сокращена запись о визите к Готье 3 марта 1862 года, где пропущены интересные рассуждения об опере и описание дома Готье. Этот перечень можно было бы продолжить, но объем двухтомника все равно бы всего не вместил. Тут можно только пожалеть, что издание это не в трех томах, так как если нецелесообразно было полное издание «Дневника» Гонкуров, то разумно было бы лимитировать его не объемом двухтомника, а количеством ценных записей.

Перевод выполнен специально для настоящего издания группой переводчиков. В первом томе большин-

ство переводов сделано Д. Эпштейн, А. Тарасовой и А. Тетеревниковой и отредактировано В. Дынин. Во втором — С. Шлапоберской, И. Грушецкой, С. Рошаль, А. Ангеловичем и отредактировано В. Шором. Выдержаны они в едином стиле, передающем в основном стиль подлинника.

Вступительная статья В. Шора обстоятельно знакомит с творчеством Гонкуров, подробно анализирует «Дневник», сообщая много интересных фактов. Замечания вызывают только некоторые частности. Во-первых, довольно туманное представление дано о роли, которую Гонкуры играли как «основоположники» «натуралистической школы», так как они представлены то безоговорочно реалистами, ратующими за права народа, то авторами «образцовых произведений натурализма (как они сами себя называли), где «физиология играет заметную роль» и рассказ «о человеческой судьбе всегда грозит превратиться в описание патологического случая, в «историю болезни». Здесь сказалась общая для нашего литературоведения запутанность вопроса о натурализме. Во-вторых, нам кажется недостаточно конкретной характеристика гонкуровской манеры в записях «Дневника», ограничивающаяся определениями, вроде: «поверхностно», «все разрозненно», «составленные» по кусочкам, «поверхностные... портреты...» и т. д.

Каждый том снабжен обширным комментарием. Безусловно, что в таком издании на комментарии ложится задача не менее важная, чем на вступительную статью, так как от них во многом зависит правильное понимание текста. Комментарии С. Лейбович могут быть названы не только исчерпывающими в толковании непонятных мест, но и значи-

тельно расширяющими картину литературной жизни, рисуемой в «Дневнике». Комментатору пришлось выйти далеко за пределы примечаний французского издания, чтобы в текст комментария ввести большой материал историко-литературных документов — мемуаров, писем, специальных исследований. (Жаль, что во введении к комментарию эти источники не названы.) Некоторые комментарии перерастают в небольшие исследования, сообщающие интересные подробности из жизни литературы и искусства: например, о «ликантропии» поэта-романтика Петрюса Бореля (т. I, ком. к стр. 111), о карнавалах Гаварни (т. I, ком. к стр. 235), о шаржах на Мюрже (т. I, ком. к стр. 431), о театре Антуана (т. II, ком. к стр. 429), об отношении Бальзака к Гейне (т. I, ком. к стр. 475), о самих Гонкурах, их произведениях, об отношении к ним современников (т. I, ком. к стр. 240, 490, 524; т. II, ком. к стр. 329, 426 и т. д.), о русских писателях во Франции (т. I, ком. к стр. 408, 488; т. II, ком. к стр. 262 и т. д.). Все это делает комментарии не только справочником, но и интересным чтением. Ценны комментарии и своими четкими политическими акцентами, тактично корректирующими буржуазную точку зрения авторов, особенно проявляющуюся в записях Э. Гонкура о событиях 1870—1871 годов. Комментарий нельзя упрекнуть в перегруженности. Но все же некоторые комментарии выглядят излишними. Или это общеизвестно, как, например, «перезвон колоколов в «Фаусте» (т. I, стр. 276), смысл которого понятен всякому, читавшему «Фауста». Иногда лучше обойтись без комментария, когда намек автора неопределен и всякая попытка определить его может вызвать воз-

ражения. Например, слова «если Корнель и заимствовал нечто у испанцев...». (Что это «нечто» — только ли сюжет «Сида»? А может быть, имеется в виду большее — поэтика испанской драмы?) Лучше было бы вместо этих комментариев дать пояснения другому, более нуждающемуся в примечаниях. Так, неизвестным для читателя остается, например, какую кантату отказались написать братья Гонкуры (т. I, стр. 63), о каких двух ударах в своей жизни говорит Гюго (т. II, стр. 118), с каким русским беседует Э. Гонкур (т. II, стр. 500) и т. д. Не может не вызвать досады неряшливость, которая привела к тому, что в тексте встречаются отсылки к несуществующим комментариям (т. I, стр. 241, 341; т. II, стр. 167, 628).

Именной указатель, составитель которого не назван, в отличие от остального, производит менее благоприятное впечатление: в нем много грубых ошибок, неточностей, которые обнаруживаются с первого взгляда. Так, например, в «Дневнике» (т. II, стр. 152) речь идет об императоре Александре II, в указателе он превращен в Александра I; художник Рибо (т. II, стр. 335, 538) назван политическим деятелем; в число произведений Альфонса Доде попал Бонне — на самом деле автор книги, к которой Доде написал предисловие. Или, например, в «Дневнике» (т. I, стр. 561) речь идет о скульпторе Аполлонии, который вызывает восхищение Гонкуров своим «Торсом», хранящимся в музее Ватикана, однако в указателе его имя не значится. Много неточностей в характеристиках: например, об Абу не сказано, что он драматург, Барбе д'Оревилю назван только писателем, тогда как в «Дневнике» он чаще упоминается как критик. Нет единообразия опре-

делений, писатели называются то просто «писателями», то «литераторами», то более подробно: «писатель и журналист», «писатель-романтик», «писатель-прозаик», «писатель-романист» и т. п. Некоторые фамилии даются без имен (Онэ, Авеллан, Перро и др.). Думается, что названного достаточно.

Наконец, об иллюстрациях. Начинаются они с суперобложки. Помимо традиционных портретов и фотографий, много репродукций картин, карикатур, рисунков того времени, афиши, пригласительные билеты

и т. д.— то есть те «обеденные меню», которые так много значили для самих Гонкуров. Все подобрано с большим вкусом. Жаль, что нет списка иллюстраций, и иллюстрации, помещенные на супер, останутся для многих инкогнито. Не везде удачное размещение иллюстраций: иногда допускается сильное хронологическое расхождение. Например, гравюра Хокусаи попала в первый том, тогда как ей естественнее быть во втором.

Н. ДОРОГОВА

г. Рязань

КОРОТКО О КНИГАХ

СЕГОДНЯШНИЙ ПРИШВИН*

«**О** Пришвине писать трудно, почти невозможно», — заметил как-то Константин Паустовский. И это верно. Каждый писатель приходит в литературу своим неповторимым путем, выделяясь среди прочих «лица необщим выраженьем», но в облике Пришвина-художника, в его творческой судьбе это проявилось, может быть, с необыкновенной остротой. Он настолько «на особицу», настолько сам по себе, что определить его место в литературном потоке может лишь тот исследователь, который, не пугаясь очевидных пришвинских противоречий и кажущихся его расхождений со своим временем, поймет и воспримет общий пафос его творчества.

В этом, на мой взгляд, главное достоинство новой книги И. Мотяшова. Автор ее задался целью не только разобраться в необычной природе пришвинского «путика», но и вы-

явить то главное, что в конечном счете определилось этой природой и что с наибольшей полнотой отвечает потребностям нашего времени, — воинствующий романтический гуманизм Пришвина.

Скажем сразу же — подобный подход может показаться слишком усложненным и уж, во всяком случае, непривычным для тех, кто до сих пор воспринимал Пришвина по преимуществу как певца природы, как зоркого и влюбленного соглядатая ее поэтических тайн. Больше того, эта очевидная и понятная для всех особенность пришвинского творчества ощутимо отодвинулась в книге И. Мотяшова, увлеченного самобытной философией писателя, на второй план. Это вовсе не ошибка исследователя, это «открытие» Пришвина с позиций нашего сегодняшнего литературоведения, новый ключ к нему. Стремление рассматривать жизнь писателя и его творчество в движении и синтезе тем более важно, что Пришвин пришел в литера-

* И. Мотяшов, Михаил Пришвин. Критико-биографический очерк, «Советский писатель», М. 1965, 248 стр.